

Жадира Дармбаева

поэт, лауреат Международной
литературной премии «Алаш»

ПОСТИЖЕНИЕ

О творчестве Бахыта Каирбекова

Поэт Бахыт Каирбеков – один из немногих казахов, пишущий на русском языке, глубоко постигший гармонию духа природы и человека через национальное миропонимание и вселенский взгляд.

Так не верьте молве многоликой, стоустой,

Что живу одиноко я в русской строке, –

по-сыновьему гордо и ответственно заявляет Бахыт Каирбеков о своей нерасторжимости с родными истоками и общечеловеческими ценностями.

Масштаб его поэтического размаха, колоритная образность, утонченность, аристократизм и пленительная нежность в его стихотворениях поражают и восхищают. Как сказал великий немецкий писатель XX века, лауреат Нобелевской премии Герман Гессе: «Стихи должны вселить в читателя силу, молодость, свежесть». Поэзия Бахыта Каирбекова вдохновляет каждую жаждущую душу, вызывая восторженный полет духа, накал чувств и страстей, озарение, очарование.

Представление о высокой миссии и предназначении творца-художника Бахыт Гафуович ярко и ясно выразил в своем стихотворении:

Мастерство художника не в том,

Чтоб рисовать всей кистью, но дыханьем

Цветка касаться вместе с мотыльком,

Чтоб крыльев ощутить тугое трепетанье!

Ресницами с тычинок снять пыльцу,

Чтоб очи золотить на крыльях махаона...

Чтоб явь приблизить к самому лицу

И лета подарить желанную истому.

А вот строки из стихотворения «В горной долине»:

Раздольная, быстрая, гордая,

Ну, точно, степная душа! –

где душа поэта звучит в унисон с горным родником, блаженствуя, одухотворяясь в этой нерукотворной связи с родной природой.

Бахыт Каирбеков – сын народного поэта, лауреата Государственной премии имени Абая Гафу Каирбекова, выпускник Литературного института им. Горького 1975 года, также окончил Высшие курсы сценаристов и режиссеров при Госкино СССР по специальности «режиссер-постановщик художественных фильмов».

Снимая и художественные, и документальные фильмы об истории и быте, о духовных истоках, легендарных памятниках и личностях, он объездил всю широкую казахскую степь, писал стихи и сценарии, вел дневниковые записи. Постигая дух и величие родной земли, он открыл для себя мировоззрение и космос казахов, поэтому его поэзия величественна и раздольна, сокровенна и сакральна, как степные просторы.

Эту кровную нерасторжимость и пламя любви своего сердца он с щемящими чувствами выразил в стихотворении «Степь»:

Мне вольность гордая твоя
 И жгучих трав родная горечь
 Вновь перехватывают горло –
 Петь об одной тебе веля.
 Забуду я покой и грусть,
 Столицы щедрые посулы,
 И вновь кочующих аулов
 На спину мне навьючен груз.
 Во мне твой голос победит,
 Строкой звенящей отзовется.
 Я буду петь:
 Пусть в горле бьется полынный ветер, –
 Сердце рвется в простор разбуженной степи!

И изумительные поэтические образы родились в кочевой душе поэта, например:

Луна, высунув язык,
 Желтой лисицей
 Петляет в облаках.

Или:

Кочуют дюны... Дюны как жуки,
 Из края в край ползут.
 И вот уже они нащупывают
 Нить моих раздумий...
 А где-то есть поющие пески!
 Там звуки, как в оазисах ручьи,
 Я жажду слов! Слова ищу в ночи,
 И все ритмичней, все быстрее пески,
 Песчинки, спаянные вихрем, –
 Крик рожденья!

Жажущая новизны и свежести душа Бахыта-поэта стремится к импровизации, образности, границе познания. Русский советский литератор, филолог, востоковед Николай Федоренко в своих литературоведческих исследованиях пишет: «По слову Чжуан-цзы, люди почитают то, что постигнуто знанием, а не ведают, что познание начинается лишь после того, как, опираясь на знание, познают непознанное». Поэтическая стезя Бахыта Каирбекова прокладывалась в стенах Литературного института (1970–1975 гг.) именно через фундаментальное литературное образование на лекциях замечательных профессоров-литературоведов и мастеров пера, которые вели творческие семинары. Мы, студенты, приехавшие из разных республик Советского Союза и из зарубежных стран, тогда еще, может быть, не вполне

осознавали, как нам посчастливилось слушать знаменитых и даровитых крупных творческих личностей, на лекции которых старались попасть студенты из МГУ и других вузов столицы. Несомненно, что литературная, творческая атмосфера, постоянное общение, встречи в институте, в общежитии, в Центральном доме литераторов с творческой элитой Москвы и всего Советского Союза дали нам самое главное – направление к поиску своего творческого начала, к самораскрытию, стремление через знание познать непознанное, прежде всего в себе.

В предисловии к сборнику поэзии японского поэта-новатора XX века, родоначальника пятистишия-танка Исикавы Такубоку переводчик его произведений Вера Маркова отмечает: «Уменье выразить свой душевный мир в минуту высочайшей его напряженности через поэтический образ-сигнал, в котором кратко закодировано огромное содержание, было виртуозно разработано именно в хокку (трехстишие), но, вобрав в себя богатое наследие прошлого и получив от этого большой размах крыльев, поэзия Такубоку вся была устремлена к будущему. Новая поэзия и звучать должна была по-новому».

Вот одно из знаменитых танка Такубоку:

На песчаном белом берегу
Островка
В Восточном океане
Я, не отирая влажных глаз,
С маленьким играю крабом.

Как до боли пронзительно звучат в этих строках печаль и тоска, вызывая в каждом читателе близкие чувства и переживания. Жизнь, состоящая из ярких вспышек-мгновений, оставляет в нашем сознании и душе след, к которому человек непременно возвращается, чтобы через пережитое снова возобновиться.

Вот, например, одно из замечательных трехстиший великого японского поэта XVII века Басе – мастера хокку:

Старый пруд.
Прыгнула лягушка в воду.
Всплеск в тишине.

Поэт переключает наше сознание: через всплеск воды в застоявшемся пруде будит в нас рой воспоминаний. В психологии известно: чтобы прийти к новому, надо пережить и оттолкнуться от навязчивых старых мыслей. Умение передать мгновение как чудо, облакая его в краткую мыслеформу – в этом и заключается редкостный дар великих творцов.

Теперь приобщимся к поэзии нашего современника Бахыта Каирбекова:

Нежность внезапна, как тамариск
В сердце пустыни глубокой,
Словно обласканный птенчик пушист
Глянет сиреневым оком.

Как волнительны эти пронизанные нежными, трепетными чувствами образы, через которые в каждой душе произвольно пробуждается сопричастность и любовь ко всему первозданному.

Когда желание безлико
И реют сквозняки,
В предвосхищении тихом
Гляжу, как в ночь, в глаза тоски.

Это состояние лирического героя «в предвосхищении тихом» завораживает душу своим ожиданием новизны чувств. Аргентинский поэт, писатель, классик мировой литературы XX века Л. Х. Борхес пишет в своих эссе: «Стихи задевают нас, когда в них угадываешь желание, а не отчет о случившемся». А ведь в творчестве великих поэтов Японии Басе и Такубоку и других замечательных мастеров пера нас пленяют именно желания, облеченные в тончайшие поэтические образы и символы, в нем мы ощущаем стремление преобразить, обогатить нравственные постулаты в душе каждого здравомыслящего читателя через пронзительные чувства-вспышки.

Поэтическое творчество Бахыта Каирбекова, вобравшее в себя казахское миропонимание, тюркское жизнеутверждение, японское утонченное восприятие, через богатый арсенал изобразительных средств русского языка выразившее особое авторское видение: единство, гармонию и красоту всего живого, – заставляет читателя с замиранием сердца читать каждую строку его стихотворений, вторя его воле, призыву: «Замри. Вглядиись! В полет трепещущий, прекрасный!» Так в каждом его стихотворении, как в режиссерских стоп-кадрах, запечатлеваются мгновения, преображающиеся в поэтические мыслеобразы.

«Трудиться над стихом – для поэта то же самое, что трудиться над душой своей», – писал известный русский поэт XIX века Яков Полонский. Несколькими поэтическими строками озарить человеческую душу может поэт, наделенный богатой интуицией и глубоким духовным прозрением, познавший единство и гармонию всего сущего.

И как мудрый молитвенный аккорд звучат эти строки Бахыта о святости и сопричастности всего первозданного в природе:

Нам надо бы друг к другу относиться,
Как вода к воде,
Водой к корням,
Как к ветке птица,
С душой к душе,
Судьбой к судьбе.

«Состояния сатори – просветления, озарения, постижения истины в буддийском учении дзэн можно достичь собственными усилиями, при этом значение здесь имеет интуиция, чем логика или приобретенные от других знания. Незаполненность истолковывается в дзэн-буддизме как полнота, как освобождение от ограничений существующей формы человеческого бытия. Тогда исчезает «я», наступает «ничто». Но это совсем не то «ничто», как понимают его на Западе.

Скорее напротив – это вселенская душа, пустота, где вещи приобретают «самость», где нет никаких преград, ограничений, где есть свободное общение «всего со всеми», – пишет русский советский литературовед Николай Федоренко в своих размышлениях о буддийской философии дзэн. И это состояние просветления, озарения присуще настоящему носителю божественного дара, но не всегда можно уловить этот момент и заполнить его своим истинно сокровенным.

Читая строки Бахыта Каирбекова о муках рождения творчества, об этом пограничном состоянии души на пути постижения просветления, можно определить, как он полнокровно ощущает вес истинного поэтического Слова:

Чтоб все сказать – не надо много слов,
И одного достаточно бывает:

Но я не знаю тяжелей оков,
 Что мне сказать мешают.

Таково творческое кредо Бахыта – сжатость и емкость. И словно заклинание, призыв и наставление поэта к обладателю дара звучат эти его строки:

Тебе дарован дар дарить, как бог, улыбки!
 Какое еще призвание тебе?
 Когда все в мире так изменчиво и зыбко,
 И каждое мгновение равно твоей судьбе.
 Судьба твоя тем более дороже,
 Чем больше будет в ней любви!
 Тогда, как бог, ты тоже сможешь
 О времени и о смерти позабыть!

И еще:

И снова дневника полночные страницы
 Напомнили и мне об истине простой:
 Что счастья нет без боли,
 Что смех придет сквозь слезы,
 Как сквозь дожди приходишь
 К ласкающим лучам.

Это исповедь поэта, выстрадавшего и познавшего радость рождения поэтического божественного мыслеобраза через нелегкие творческие искания.

Поэзия Бахыта Каирбекова, переключаясь с западными эстетическими канонами, вобрав в себя мудрую философию предков, несет в себе часть целого пласта духовного мира, как он сам пишет в фрагментах дневника во втором томе своей книги под названием «Части целого»: «Постижение истины не может быть использовано практически! Оно просто в тебе становится кровью, но если кровью можно поделиться, то этим – нет. Это постижение наедине, это пустить корни в почву и схватить ее всей душой. Каждый по-своему ощущает корнями землю. Поэзия – рождение мысли, образа; то, что поражает тайной связью с незримым и высшим, и связь эта вдруг становится видна, но лишь на миг, как озарение, не больше. Больше – поза, любование, потеря чувства меры».

Объездив просторы родной земли, снимая художественные и документальные фильмы, оживляя историю, память, духовные ценности казахов, чистоту их помыслов по отношению к жизни и природе, постигая божественность всего сущего, Бахыт Гафуович пишет в дневнике: «С любовью! – вот единственно верный ракурс на все, что должно создаваться». Бахыту Каирбекову, поэту с кочевой душой, месяцами проживавшему в степи, снимая фильмы, удалось, говоря словами японского писателя XX века, лауреата Нобелевской премии Ясунари Кавабата, «открыть, пережить и сотворить красоту» в своих чудесных стихах.

Известно, что без познания прошлого нет настоящего. В сознании казахов шаман – это баксы, изгоняющий из большого злых духов, насылающих болезни темных сил. Излечивая больного, входя в экстаз, баксы освобождается от переполняющей его самой энергии, иначе она испепелит его. Так и поэт в творческом взлете души изливая свои неумные чувства, помогает исцелиться другим через катарсис. Здесь уместно будет еще раз привести размышления из дневника самого Бахыта Гафуовича: «Неугасимо творчество, потому как оно не может гаснуть. Нет медленного угасания его, есть свечение и несвечение. Есть свет, либо его просто нет – тьма

Полярное сияние – всполохи божественной искры. Это неизгладимо, незабываемо. Это неприкасаемо. Это – холодный восторг в груди, это шаровая молния, залетевшая в сердце, она может взорвать его и опрокинуть всего тебя в пучину сомнений и отчаянья, но нет – она движется в тебе, ужасая и восторгая своим загадочным свечением. Ты уже не прежний, но и никогда не станешь иным, ты никакой, ты влюбился в эту молнию раз и навсегда, ты болен, и нет тебе излечения, потому как болезнь эта – гибельное и прекрасное постижение жизни, излечение твое – твоя физическая смерть». «Только демонические натуры переживают чудо пламенного раскрытия души», – писал немецкий философ XIX века Ф. Ницше.

Тело наше – всего оболочка
Искры божьей – крылатой души,
Может, самая малая точка,
Но пучок ее – лазер в ночи, –

так Бахыт кинематографически зорко отобразил это состояние вдохновения.

В настоящем художественном творении должна быть недосказанность, некая тайна. Об этом знают все творческие личности. И Бахыт Гафуович в своих дневниковых записях пишет: «Нельзя быть на поводу у ориентации читателя, быть зависимым от него, в таких кусках мало творчества, импровизации и поэтому:

Не торопись все обозначить словом,
Упрямая надежда в слове есть:
Стать не любим, –
Твоим! И снова нести
Пророческую весть.

Поэт напоминает о высокой миссии художественного слова. «Назначение мысли в том, чтобы вспыхнуть россыпью образов» – эти слова Х. Л. Борхеса вплетены в канву каждого стихотворения Бахыта Каирбекова, где благородные и торжественные, пламенные и пронзительные чувства, перевоплощаясь в мыслеобразы, вдохновляют читателя, раскрывая в их душах затаенные, дремлющие чувства любви ко всему живому, божественному, заставляя вдумываться в свое предназначение. Умение передать читателю остроту восприятия своих чувств средствами поэтического образного языка, влюбить читателя в красоту и мощь выразительной художественной мысли и быть воспринятым может только истинный творец – талант от Бога, чье сердце, как антенна, умеющая уловить чувства – сигналы в момент сильного вдохновения – экстаза.

В поэзии Бахыта Каирбекова богатая палитра изобразительных средств: эпитеты, сравнения, метафоры, метонимия, аллегория, через которые он тонко и глубоко с большой эмоциональной силой передает свои чувства.

И летучею мышью во тьме
Удивиться текучести ночи...
Мне нужны твои темные очи,
Чтоб проснуться и знать: сердце хочет
Жить, не веря горящей листве... –

так через аллгорию и сравнения поэт нежно и величественно передает свое затаенное чувство грусти о текучести жизни.

Или в стихотворении «Цветок граната»:

Кто лепил этот плод-колобок,
Грубоватый, тяжелый, как камень?

Нити солнца в нем свиты в клубок,
Или страсти в нем сбиты в комок?
Онемевшая алая память.

Какая безупречная метафоричность, красота и емкость образности! А «онемевшая алая память» – так подлинно и поистине художественно передать образ человеческого мозга в сравнении с плодом граната! Это требует от поэта большого мастерства и вдохновенного поиска.

И нет в поэзии Бахыта Каирбекова ни одного стихотворения, в котором не чувствуется художественная зрелость. Обладать даром непосредственно и щедро любить и чистотой помыслов, с чутким мировосприятием и истинной глубиной познания раскрывать гармонию и сопричастность всего сущего в природе может только истинный художник слова.

Поэтому, когда он заявляет:

Я ищу свои корни – значенья,
Отдаленный от прочих крупиц.
Снова в вареве – первотворенья –
В щедрой россыпи явленных лиц,
Я не знаю, кому подарю этот вкус,
Аромат первобытного плода,
Я рискую, но вновь с головой окунусь,
В чрево, пекло – в творение Слова, –

то в душе каждого читателя пробуждается до боли родимое чувство этой волнительной чарующей любви к своим истокам через радость познания поэтического Слова, которое было выстрадано, выношено поэтом в муках творчества.

Поэтическая мощь, восторженное чувство любви и сила духа, заключенные в творчестве Бахыта Каирбекова, пробуждают в людях стремление познать подлинные духовные ценности, гармонию чувств и очаровывают их своим страстным небесным пламенем, зажигая в их сердцах веру в божественность и первозданность человеческой природы. «Для меня человек, ищущий Красоту, жаждущий ее, преданный ей и восхищающийся ею, – Художник, кто бы он ни был по профессии», – пишет он в своей книге. Да, поэт, переводчик, сценарист, кинорежиссер Бахыт Каирбеков – настоящий Художник прекрасного, созидательного, несущего свет творческого величия.

